

LOVE STORY

— Сейчас, извините, одну секунду, — у нее зазвонил телефон. — Але, да, ты где? Голос молодого человека в трубке виновато объяснял свое отсутствие. Вот они, голубчики, и попались. Уж столько об этой парочке всего писано-переписано. То у них любовь, то не любовь; то пиар-кампания, то вдруг в загс заявление подают; то он — не той ориентации, то, извините, она... Не поймешь этих артистов. Взаправду живут или только маски примеряют...

— Ну, замечательно, — напустив в голос металла, отозвалась она. — И по этому поводу ты звонишь? — Просто, чтобы ты не волновалась. Я буду дома в 10 или в 11. — М-м-м, нормально. — Ну чего ты, Надя? Хочешь, подъезжай, как освободишься. — А-га. Очень я там нужна. — Да перестань ты... — Ладно, все, пока. — И что, ты даже не скажешь, что очень сильно любишь меня? — Я люблю тебя. Все, я работаю, мне некогда, пока. — Ему — 25, ей — завтра стукнет 55. Он — Евгений Гор, молодой певец. Она — Надежда Бабакина. Пояснения излишни.

— Надежда Георгиевна, вы извините, Женин голос я тоже слышал. Зато теперь у меня не осталось почти никаких сомнений — это любовь.

— Без конца мне звонит, каждые пять минут. "Наденька, я буду там", "Наденька, еду туда". Такой внимательный, ласковый. Знаете, он же мне письма шлет. Да-да — самые настоящие. Покупает красивые открытки, на которых написаны какие-нибудь четверостишия. Что-то вроде: "Ты для меня, как солнышко..."

В этот момент телефон Надежды Георгиевны снова замурлыкал затейливой мелодией.

— Вот — это он прислал, — Бабакина хохочет. — Только об этом говорили — потрясающе.

— Это SMS? Можно прочитать?

— Э, нет. Я сама потом прочитаю... Так вот: знает, например, что я устала, плохо себя чувствую, не хочу о чем-то говорить: он мне раз — и где-нибудь на видном месте открыточку оставит. Захожу в ванную, смотрю: а на зеркале послание. Или, например, 8 марта просыпаюсь, покричала — нет его. И вдруг звонок в дверь. Открываю — стоит, улыбается. А в руках — вот такая охапка тюльпанов разного цвета. "Извини, — говорит, — не нашел большой вазы". И кладет цветы мне на кровать. Очень романтично.

— Надежда Георгиевна, если все так хорошо, чего же тянете со свадьбой?

— Ой, да зачем, кому это надо? — Как кому — вам, наверное? — Нам не надо. У нас и так все клевое.

Кто последний за любовью

— Надежда Георгиевна, обычно мужчина завоевывает женщину. В вашем случае все было наоборот?

— Не знаю. У меня тогда был такой период... Сложный период. Вроде как створка закрытая. Я улыбалась, за мной ухаживали, меня приглашали, провожали, подарки дарили... Но радости от этого я как-то не испытывала. Говорила себе: "Ну надо, Надя, надо", а в душе... Ну не было свободы. Для серьезных отношений. Долго размышляла: что со мной, почему так. А потом поехала в Загорск, к старцу. Раз съездила, другой, третий... А это далеко, и надо было приезжать к четьерем утра, чтобы очередь занять...

— Что это были за беседы?

— Любопытные очень, удивительные... При чем к старцу попасть было нереально. И дело тут не в очереди. Если богу угодно, ты туда попадаешь, если нет, у открытой двери будешь стоять — не войдешь. Люди тебя оттеснят и попадут те, кому надо. Лишь на третий раз мне повезло. Поехала с подружкой: так она не попала, а я попала.

— Значит, вам было нужнее.

МИХАИЛ КОРНЕВ

БАБКИНА СТРАСТЬ

— Совершенно верно. Чтобы пройти в келью старца, надо было подняться по лестнице, а она вся усеяна людьми. Как сейчас помню, сзади меня стояла монашка и что-то записывала на листочек. "Извините, — спрашиваю ее, — а что вы пишете? Объяснила: надо написать все свои грехи, а потом матушка выйдет, все записки соберет и передаст их старцу. Я бумажечку так взяла и не знаю, с чего начать...

— Так много грехов? — Я вообще не знаю, что это такое. Вот что взять за основу греха? Либо сразу свое появление на свет, либо... И спросить неудобно. Поставила цифру "один", а что дальше писать — не знаю. Выходит матушка, сверху окидывает взглядом людей... А я ведь не такая, как сейчас перед вами. Никакого макияжа, и платок на голове — не дай бог кто увидит. Это ж всё — конец. И вдруг матушка говорит: "Вот вы, молодой человек, вы и вы (показывает на меня), поднимайтесь сюда". Пальцем на всякий случай в себя ткнула: "Я?" — "Да-да, вы, женщина, в темно-синем платке". Меня аж

всю затрясло, заколотило. Дверь в келью открылась — сидит старец в кресле: в валенках, вот такая борода, белая и глаза — бездонные, светлые. Мы вошли, я перекрестилась, говорю: "Здравствуйте". (Бабакина не выдержала и засмеялась.) Ну не знаю я, что делать в такой ситуации!.. А он глаза поднимает и молвит: "Вот вы двое, — на молодых людей показывает, — посидите пока там. — Делает знак, чтобы матушка дверь в соседнее помещение открыла. — Пусть она одна останется". И чем закончилось-то. Это было где-то около шестнадцати, уже забрезжил рассвет. Посмотрел на меня: "Ты кем работаешь?" — "Профессия?" — переспрашиваю. — Я творческий человек, пою". — "Ну а как ребенок, как семья, как муж к тебе относился?" — Именно "лесь", в прошедшем времени!

— Да, вот так неожиданно. Про себя думаю: неужели у меня на лице написано, что я сама по себе.

— Почему я все время должна оправдываться? Не лезьте в мою личную жизнь!"

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

"Хватаю сковородку: "Чего ты на меня вылупился — сейчас как дам по башке!"

Спрашивает: "А ты молитвы поешь?" — "Да". — "Ну спой "Отче наш". Я растерялась — там везде тишина такая. "Да нет, — говорю, — я не могу, простите ради Бога". — "Как это ты не можешь — пой". И я стала потихоньку петь. "Пой как следует". Как-то спела. "А знаешь, — говорит, — песню "Хасбулат удалой"? — "Да". — "А ну давай, пой что есть силы". И тут я разворачиваю свои меха, и как дала: "Хасбулат удалой-о-ой, бедна са-а-акля твоя-я-я..." И понеслось. А моя подруга Лариса в этот момент в храме свечи ставила, и тут она слышит: я пою. На все подворье, на все эти своды. Потом мне рассказывала: "Первое, что подумала: да она с ума сошла. Это ж надо додуматься: прийти к старцу, попасть к нему и там петь. Да она совсем рехнулась". Слушайте дальше. Я спела — тишина. "Мария, — говорит он матушке, — у нас там пасхальные куличи, яйца есть. Давай, коробку ей снаряди. Книжечки дай с молитвами. А ты, — обращается ко мне, — заглядывай в них, когда плохо будет. И еще: сюда ездить далеко, да не всегда попасть можно. Ходи в храм на Никитской. Знаешь Никитскую улицу?" А я там живу, представляете?.. И через некоторое время — вот действительно чудо — у меня в душе все засветилось, на все стала реагировать по-другому: гораздо легче, свободнее. Перестала замечать недостатки..."

— Мужчин?

— В том числе и мужчин. Я стала видеть нормальные взгляды, на которые могла нормально реагировать. Не холодно, как из-за стекла, а тепло человеческое чувствовать... А-а! У нас еще была тема очень любопытная. Он спросил: "А сколько у тебя было мужчин?" Я опешила, говорю: "Ну не знаю, никогда не задумывалась. Может быть, пять". Он мне: "Ты знаешь, приходила тут ко мне женщина — очень интересная. Стихи пишет любопытные. Так она сказала, что у нее было всего трое мужчин. А когда здесь три дня пожила, вспомнила еще 50". Ха-ха-ха, я так смеялась...

— Может, и вы бы остальных вспомнили?

— Да нет, у меня все это как на ладони. Никогда не коллекционировала мужчин, не было у меня такого спортивного интереса... Ну, в общем, спустя какое-то время еду председателем жюри на 1-й Всероссийский конкурс артистов эстрады. Езжу по регионам, смотрю конкурсантов. И приезжаю в Приволжский федеральный округ. А там концерт, 56 исполнителей. И во втором отделении выходит Женя. Полилась музыка, первую песню он пел на английском языке. Я не знаю, как это объяснить, но я услышала его нутром — у меня внутри все прямо заколотилось. Закрыв глаза, думаю: что же это так поет. "Позовите, — говорю, — я хочу его увидеть". Буквально через пять минут я почувствовала на себе взгляд. Поворачиваюсь: стоит. Вместе со своими мальчишками-девчонками. Вот этот лучезарный взгляд. Боже, думаю, какой светлый парень. А он поворачивается к своим пацанам и говорит: "А Бабакина на меня запала". (Хохочет.) А я да — запала... Вот так. Я думаю, Боженька дал мне возможность испытать в очередной раз новую волну счастья. И я это ценю.

— Давайте все же спустимся с небес на землю. Несколько лет назад на вопрос "какой

мужчина может быть рядом с вами?" вы ответили: "Ну это, наверное, должен быть либо крупный военачальник, либо известный политик". А тут — мальчишка.

— Молодой человек. Был бы он мальчишкой, мне бы с ним было не интересно. Он для меня и крупный военачальник, и известный политик в одном лице. Дипломатичен — невероятно. Каждый день не устаю благодарить Бога за то, что человек, который мне так симпатичен, находится рядом и терпит меня такую, какая я есть. С другой стороны, если Женя что-то очень не нравится, он ведь и сам может построить.

— Вас?! Верится с трудом.

— Нет, иногда и от него слышу стальные нотки в голосе: "Как я сказал, так и будет. Ты прислушайся к моим словам". Он же Овен — упрямый, искры из глаз... Вот однажды у нас была композиция великолепная. (Смеется.) Прихожу как-то домой: уставшая, голодная — никакая. Посмотрела по сторонам: в раковине гора посуды, а этот — сидит, чай пьет. Думаю: "Ну что же ты сидишь как пень?" А звонки бесконечные, телевизор орет. Стала себе суп какой-то разогревать, одновременно посуду мою. И чего-то вдруг зло разобрало. Поворачиваюсь так и криком: "Мог бы и сам помыть, в конце концов. Я пришла ухайдаканная..." Хватаю сковородку: "Чего ты на меня вылупился — сейчас как дам по башке!" А он печенье ел, так чуть не поперхнулся. Потом заулыбался, говорит: "Надь, ну ты прям как кино". И все — злость куда-то подевалась, смеюсь. А Женя: "Эх, дурында ты. Чего распалаяешься? Да хрен бы с этой посудой, помою потом".

— Как считаете, Женя — ваш самый безрассудный поступок в жизни?

— Не знаю. Если рассматривать так: ой, чего же я делаю, это неудобно, а что люди скажут, а соседи. Это же нас будут судить-рядить, так же нельзя, так же никто не делает... А кто-нибудь спросил меня лично: "Надь, тебе хорошо? Может, помочь чем-то? А ты устаешь?" Ну кто-нибудь вообще?! А почему я должна все время думать и оглядываться на кого-то? Ну вот и все! Ну и не надо лезть в мою личную жизнь! Это моя судьба! И я не считаю, что сделала что-то непорядочное! И ни у кого ничего не украла! Нормальные человеческие отношения!

— Неужели даже сомнения не мучили?

— Конечно. В первую очередь даже не за себя. Я боялась, что парня могу сломать. Мне-то что? Я — Бабакина!.. Знаете, у меня ведь тоже звонки разные раздавались. "Ну ладно, Надя, ты для журналюг леишь. Но мне-то можешь сказать?" Так это меня забавляло. "Слушай, — говорю, — а почему ты думаешь, что если я журналюгам говорю одно, тебе скажу что-то другое?" Я всегда говорю так, как есть. Не всем это нравится, правда. Зато я не запутываюсь ни в чем. И сплю спокойно... Знаете, так вам скажу: сыграть это можно. Но на пять минут, не больше. А как с этим жить? А я хожу, и мне хорошо. Потому что знаю: со мной рядом человек, который меня не обманет, который всегда хочет услышать меня, увидеть, который очень ко мне ласков и нежен.

— А родные как восприняли появление в вашей жизни молодого человека?

— С родными-то у меня все в порядке. Бабушка его позвонила, говорит: "Женя, я так за тебя рада. У меня теперь за тебя душа не болит — рядом с тобой такой опытный человек, который не даст тебе свалиться". А подруги даже и вопросов не задавали. Наоборот — говорили: "Надь, мы тебя такой светящейся не видели лет сто".

— А сын ваш Данила, который старше Жени на пять лет, не крутил пальцем у виска: мать, мол, ты чё, сбрендил?

— Нет, когда Женя только появился, он очень долго за ним наблюдал. И реакция была точно такая же: "Мама, я никаких вопросов тебе не буду задавать. Я вижу: ты счастливая". Это раз. А второе — он мне сказал: "У меня нет никакой ревности. Потому что твоей любви хватит на всех". И он прав.

— И еще. Надежда Георгиевна, а как все-таки быть со слухами, что ваш Женя, извините, несколько не той ориентации?

— Ну, во-первых, он — красивый, во-вторых, непосредственный, отважный — иногда такое отбучит. Может, его свобода в поведении дала почву этим слухам... А потом: писали ведь не только, что он — меньшинства, писали, что и я в общем-то... Просто кошмар какой-то!

От печали до радости

— Вы производите впечатление сильной, властной женщины. А когда-нибудь страдали из-за мужчин, плакали в подушку?

— Конечно. Ну а как же — что я, не живой человек? И плакала, и с ревностью у меня все в порядке.

— Официально сколько раз были замужем?

— Один раз. Он был джазовым музыкантом — барабанщик Володя. Студенческий брак. Но все равно он был по любви. Никаких претензий у меня к первому мужу нет, просто такой нюанс: знаете, когда у одного вдруг происходит какая-то остановка в реализации, а другой прет вперед... — Переросли?

— Да. А мужчина не может этого выдержать. И в один момент мы просто перестали друг друга понимать. Каждый день — мука. У меня было ощущение, как будто с потолка на меня кто-то прыгает и давит, давит... Когда мы разошлись, я взяла с собой только концертные костюмы.

— А было куда уходить?

— Нет, к подружкам. Но уже через месяц Юрий Михайлович Лужков мне дал квартиру. Да нет, ни о чем я не жалею — в течение первого же года у меня появилось все. Но уже свое.

— Он сейчас...

— Я не знаю: где он сейчас и чем занимается. Знаю: женился, вроде играет где-то. Все — больше ничего.

— Вы говорите: муж не выдержал гонки и отстал. Но ведь у вас были довольно серьезные отношения и с фигурой, скажем так, равнозначной. Имею в виду Александра Розенбаума.

— (После паузы.) Без комментариев.

— То есть эта тема закрыта?

— Закрыта.

— Хорошо, тогда вернемся к делам сегодняшним. Вы говорите, что у вас с Женей свободные отношения. Это можно назвать free love, как говорят на Западе?

— Не знаю, как там говорят на Западе, у нас довольно демократичные отношения и в то же время очень честные.

— Но вы ревнуете?

— Конечно, скажу нет — совру. И он ревнует. Например, звонит, а у меня дома сидит кто-то, мы разговариваем. И Женя бесится: "Кто у тебя? Да, только я уехал, и он быстро к тебе примчался". "Жень, — говорю, — перестань. Что такое?" — "Что-то, я ревную, вот что". (Смеется.) Ха-ха, это смешно.

— Как думаете, Женя — ваша последняя любовь?

— Не думаю я ни о чем. Я что, похожа на пенсионерку? Знаете, знакомый мой рассказывал: одна известная актриса на склоне лет (ей было 85) влюбилась в очень молодого человека. Я по сравнению с ней — просто отдыхаю. Как-то раз звонит ему: "Ты представлешь, у меня наступило безразличие. Сегодня первый раз я не захотела мужчину". Ха-ха-ха, нормальный ход? А знаете, когда она ушла из жизни, тот человек, который был с ней, просто рыдал. "Моя жизнь, — говорит, — рухнула". "Ты что, — успокаивали его, — ты ж молодой — живи". "Нет, — отвечает, — вы не понимаете, о чем я говорю. Вы не понимаете! Я готов уйти за ней". И потом еще пять лет пребывал в жутком унынии. Такая вот история, понимаете. Поэтому я не загадываю. Я взрослый человек, прекрасно все понимаю: ничто не вечно под Луной. Поэтому мы с Женей живем одним днем. Но живем на полную катушку.

— А если, допустим, завтра он встретит какую-то девушку...

— А по-любому встретит. Девушки и сейчас к нему подходят. Но он всем говорит: "Вы же знаете: мое сердце занято"... А вообще-то я готова ко всему.

— И к боли тоже?

— А то я ее не испытываю? У меня, может быть, это боли в жизни было гораздо больше, чем радости. Может, поэтому я стараюсь всегда улыбаться. Чтобы не распахнуться. Образ Надежды Бабакиной — это всегда что-то сильное, энергичное, радостное. И я прекрасно понимаю всю свою ответственность перед людьми. Этот образ ведь не я создала — зритель. Поэтому нет, плакать я не имею права.

Дмитрий МЕЛЬМАН.

В 55 Бабакина ягодка опять.

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО